

Протестное движение 2011–2012 годов в России: Новый популизм среднего класса

Артемий Магун

*Европейский Университет в Санкт-Петербурге;
факультет свободных искусств и наук Санкт-Петербургского
государственного университета*

Протестное движение 2011–2012 годов в России: Новый популизм среднего класса¹

Аннотация

Статья посвящена массовым гражданским протестам, прошедшим в России в 2011–2012 годах. Она ставит вопрос о политическом и идеологическом самоопределении протестующих как политических субъектов. На основе коллективного эмпирического исследования участников митингов автор показывает частоту популистской самоидентификации протестующих. Они называют себя «народом», несмотря на объективные признаки, по которым многие из них находятся в высшей имущественной и образовательной страте страны. Следует теоретический анализ этого феномена в контекст теории популизма.

¹ Исследование, результаты которого я здесь анализирую, выполнено коллективом ученых в составе: Д. Валеева, С. Ерпылева, А. Желнина, О. Журавлев, М. Кулаев, А. Магун, А. Невский, Н. Савельева, И. Силова, при поддержке НИР факультета свободных искусств и наук СПбГУ.

Предлагается пересмотр ряд положений этой теории и идентификация российского случая как нового, но типичного варианта популизма.

Ключевые слова:

народ, популизм, Россия, социология общественных движений, Эрнесто Лаклау

В 2011–2012 годах все мы наблюдали взрыв массовой политики в авторитарном государстве, для которого ранее был характерен низкий уровень протестной активности, и в обществе, где политика долгое время считалась занятием то ли наивным, то ли продажным. В этой статье я ставлю два вопроса. Во-первых, кто является коллективным политическим субъектом этих протестов (если таковой вообще имеется)? Во-вторых, какова идеология движения (если она вообще есть)? На основе эмпирических данных, в основном, собранных нами на протестных акциях 2011–2012 годов в Санкт-Петербурге и Москве путем частично структурированных интервью, я показываю, что субъект данного движения самоопределяется не только в групповых (классовых), но и в *популистских* терминах.

Метод статьи продиктован поставленным в ней вопросом, и он опирается на литературу как по социальной мысли, так и по политической социологии, но основная моя методологическая рамка — политическая теория. Именно поэтому проблема политической субъективности и субъективизации здесь — центральная². Но мы не обнаруживаем в современной России классического политического субъекта. Здесь налицо скорее своеобразная *аполитичная политика* (Политика аполитичных... 2014) или бессубъектная субъектность «народа». Однако такая самоидентификация может быть началом возникновения политического субъекта, который ранее был подчинен, а теперь пытается придать своему подчиненному статусу универсальную значимость. Другими словами, это ставка на появление в будущем демократической солидарности.

² Вопрос о субъекте подразумевает и вопрос о коллективной «идентичности», обычный для более позитивно ориентированной социологии. Идентичность и самоидентификация по определению отсылают к чему-то самоотдельному, тогда как «политический субъект» предполагает трансформирующее действие и самопреодоление. В либеральных демократиях социальные движения обычно представляются как регулярное явление, которое можно изучать нейтральным взглядом, с птичьего полёта, я же склонен скорее рассматривать их в исторической и политической перспективе, как мобилизацию ранее скрытых социальных групп, имеющую непредсказуемые последствия.

1. История

Массовое протестное движение 2011–2012 годов в крупных городах России стало неожиданностью для многих экспертов по российской политике³, поскольку оно возникло в климате глубокой деполитизации и ухода в частную сферу, который характеризовал Россию в течение 18 лет с момента вооруженного разгона Верховного Совета в 1993 году. Крупные митинги и демонстрации против или в поддержку правящей партии и правительства были обычны в период поздней Перестройки, когда они принимали либерально-демократические или националистические формы. Крупные политические демонстрации имели место вплоть до насильственного подавления массовых акций противниками Президента Ельцина в 1993 году.

После этого, в условиях гегемонии либерализма, уровень политической активности упал (Ельцин более не взывал к демократической поддержке, и его политика не рассматривалась как продолжение Перестройки), а оппозиционная «красно-коричневая» коалиция (смесь «коммунистической» реакции и русского национализма) была деморализована и неспособна организовать массы. Роль СМИ 1990-х годов в циничной манипуляции общественным мнением привела к распространению цинизма в отношении любого политического участия.

С другой стороны, в это время (вторая половина 1990-х) существовали мощные и многочисленные протестные движения социального характера: протестовали рабочие и другие разоренные слои общества, в первую очередь, в провинциальных городах, большей частью по причине задержек зарплаты и закрытия фабрик (Javeline 2012). Эти протесты, несмотря на свою массовость, не продвинулись в выработке политической повестки и были неспособны к солидаризации: это были своего рода «протесты без движений» (Robertson 2012). Следующая крупная мобилизация случилась в 2005 году в ответ на закон о монетизации льгот. Это было массовое движение, однако, опять же, политически неопределенное. После него, в 2000-е, происходило постепенное оживление гражданской активности, в основном локального характера, с крайне осторожным отношением к политическим вопросам и к политикам (Клеман, Мирясова, Демидов 2010). В целом, хотя социальные движения существовали в первые 18 лет постперестроечной России, публичная сфера и интересы людей были деполитизированы, характеризовалась отказом от политического действия (т. е. от универсальных вопросов социальной жизни и от широкой со-

³ Важным исключением был экспертный доклад Центра Стратегических Разработок и его директора Михаила Дмитриева «Движущие силы и перспективы политической трансформации России» (Белановский, Дмитриев, Мисихина, Омельчук 2011).

лидарности) и глубоким подозрением к политической деятельности как по определению отчужденной и коррумпированной.

Поводом для новых протестов послужили (достаточно обоснованные) обвинения в фальсификации избирательными комиссиями результатов выборов в Государственную Думу 4 декабря 2011 года. Фальсификации не были больше или циничнее, нежели на предыдущих выборах в течение 2000-х годов. Не было крупных оппозиционных партий, как в парламенте, так и вне его, которые готовили или организовывали бы протест. Но внезапно, когда Facebook и vkontakte.ru наводнились отчетами независимых наблюдателей о фальсификациях, а правящая партия «Единая Россия» показала, несмотря на фальсификации, самые низкие в ее истории результаты, тысячи людей — а для многих из них это стало первым опытом участия в протестах — вышли на улицы, и в следующее воскресенье, 10 декабря, около 100000 человек собралось на санкционированный митинг в центре Москвы (гораздо меньшие, однако также крупные митинги прошли в других городах России).

В месяцы, предшествующие президентским выборам 4 марта 2012 года, мобилизационные усилия вновь сложившегося движения были направлены на предотвращение победы Владимира Путина на этих выборах. Два крупнейших митинга произошли в Москве и других городах 24 декабря и 4 февраля (марш и митинг), количество участников в Москве составило более 100 000; на митингах в других крупных городах — меньше, не более 10 000. 26 февраля символическая акция «Белое кольцо» в Москве собрала около 35 000 человек, которые «замкнули» кольцо вокруг центра Москвы, держась за руки.

4 марта, несмотря на массовое присутствие на выборах независимых наблюдателей, В. Путин победил в первом туре, набрав, по официальным данным, 63,6 % голосов, и хотя здесь, на что указывают некоторые объективные подсчеты, вновь имели место определенные фальсификации, те же подсчеты показывают, что Путин набрал бы более 50 % и без фальсификаций. Акции против Путина продолжались, и 6 мая «Марш миллионов» собрал около 70000 участников и привел к первым серьезным вспышкам насилия. Пострадавшие были как со стороны протестующих, так и со стороны полиции. В результате этого столкновения более 30 участников протестов были впоследствии арестованы и обвинены в участии в «массовых беспорядках». Последний действительно крупный митинг, в котором участвовали более 50 000 человек, прошел в Москве 12 июня, в День России. В июне 2012 года Государственная Дума приняла закон, устанавливающий штраф за участие в несанкционированных митингах и других подобных акциях в размере до 300 000 руб. После этих и подобных репрессивных мер, волна протестов пошла на спад, и сейчас периодически проходящие митинги собирают сравнительно немного участников, до 20 000. Говорить о полном завершении

протестной волны нельзя, можно говорить лишь о ее спаде. Кроме того, на данный момент из протестного движения не возникло единой партии или иной институциональной структуры, хотя многие участники протестов поддерживают А. Навального и возглавляемый им «Народный альянс».

Итак, с одной стороны, не случилось ничего удивительного. Во-первых, протесты в России удивили наблюдателей ситуативно, так как они не ожидали ничего подобного в это время и в этом месте. В то же время, если отвлечься от их конкретного возникновения, российские протесты 2011–2012 годов — классический пример электоральных протестов, свойственных режимам электорального авторитаризма (Schedler 2006). В соседствующих с Россией странах также имела место волна такого рода протестов (так называемые цветные революции) в 2003–2005 годах. Во-вторых, подобные события были вообще типичны в последние 50 лет и традиционно интерпретировались как протесты возникающего среднего класса с присущими ему новыми ценностями (Huntington 1991). Непосредственное же возникновение этих протестов в России, относительно успешно «замиренной» в последние 15 лет, могло быть сверхдетерминировано исторически, под влиянием глобальной волны протестов 2010–2013 годов, охватившей Тунис, Египет, Ливию, после Испанию, Францию, США, Грецию и, уже после событий в России, Турцию. Сложно обосновать или опровергнуть степень влияния этих событий, но в глобальном контексте последних нескольких лет российские протесты не кажутся чем-то из ряда вон выходящим.

Однако, повторюсь, в политическом контексте России эти протесты явились неожиданностью. И, помимо теоретических вопросов, они стали для либерально и левоориентированных наблюдателей политическим вызовом: есть ли у этого движения возможности развития, порождения институциональных структур, или же оно по определению слабо и неэффективно. Наша исследовательская задача состояла, поэтому, в исследовании фактов с точки зрения заложенных в них потенциалов. Для этих целей необходима качественная методология, стремящаяся к обнаружению множественных тенденций и возможностей, и обнаруживающая идеальные типы и единичные симптоматичные примеры.

2. Теория

Теоретическая основа данной статьи неоднородна. Я считаю важным находиться в диалоге со всеми важнейшими традициями концептуализации субъекта и идеологии протестов. Одна из существующих традиций — социология социальных движений, другая — современная социальная теория, третья — постмарксистская школа

анализа идеологии. К сожалению, эти традиции нечасто связываются между собой, хотя каждая из них ставит существенные проблемы и предлагает важные интуиции по поводу природы и стратегии современных социальных движений. Это разделение связано не только с различиями теоретических традиций и дисциплинарных принадлежностей, но также с имплицитными политическими позициями исследователей. Но это не должно становиться преградой для теоретического синтеза.

А. Субъект

Первый вопрос, возникающий в отношении протестов в России, — «кто протестует?». Это двойственный вопрос: он относится к объективным социальным группам, которые участвуют в движении и определяют его повестку, но это также вопрос о самоопределении участников. Налицо старая марксистская тема «класса-в-себе» и «класса-для-себя», становящаяся актуальной в обществе, в котором классовые границы более не самоочевидны. Эти два аспекта субъективности неразделимы, поскольку, с одной стороны, современная классовая структура подвижна, не поддается простой объективизации и зависит от социального конструирования, а с другой стороны, «идентичность» протестующих, производимая ими совместно с медиа, не может быть полностью отделена от их объективной определенности. Вовсе не обоснованная самоидентификация (борьба за признание хоббитов или готов или, что существеннее, «воображаемых» этнических идентичностей), может существовать, но вряд ли долго продержится без хотя бы какого-нибудь значимого содержания. Современные теоретики политической субъективности, в особенности Ален Бадью, стремятся показать, как субъект одновременно конституируется и некоторой ранее непризнанной социальной группой, и непредсказуемым событием ее прорыва, и свободным актом осознания этой группой или ее отдельными членами произошедшего события собственного прорыва, и дальнейшим хранением верности и тому, и другому (Badiou 2005).

В случае протестов в России (2011–2012 годы) объективные социальные определения были сразу же произведены и социологами, и СМИ, которые называли события «протестом среднего класса», «протестом креативного класса», или, как выразился В. Сурков, используя формулу, впервые употребленную в отношении протестов в Германии, протесты «рассерженных горожан». Некоторые (Сергей Удальцов — изнутри движения⁴, Александр Бикбов и Алексей Левинсон — из академической среды (Bikbov 2012; Левинсон 2012)) пыта-

⁴ Tim Voron, «Сергей Удальцов на митинге шествии 4 февраля 2012», YouTube видео, 3:43, 4 февраля, 2012. <http://www.youtube.com/watch?v=bYGsyU8djO8>.

лись оспорить это определение, рискуя, однако, оставить социальную структуру без внимания или представить ее как чистый результат «социального конструирования». Бикбов категорически отвергает медийное определение протестов как «среднего класса», показывая, насколько непопулярна была такая самоидентификация у самих протестующих. Михаил Габович в своей книге о протестах также отказывается от использования социальных категорий в отношении протестов: «Такие термины, как «средний класс», «поколение» или «рантье» обозначают реально существующих коллективных акторов. В случае современной России этого нет: институты конструирования идентичности, за исключением государства, слабы, и люди обычно воздерживаются от включения себя в социальные и профессиональные группы» (Gabowitsch 2013: 29–30). Габович предлагает вместо этого говорить о «движении», которое является «не группой, а состоянием» (Gabowitsch 2013: 29–30). Алексей Левинсон, сотрудник Левада-Центра, вскоре после митингов написал газетную статью, заявляя, что это были движения универсального «мы», а не среднего класса (Левинсон 2012). Несмотря на то, что на митингах было много обеспеченных людей, экономические различия между протестующими огромны, и «[не] может быть единым классом общность с такими имущественными различиями. Классом быть не может, а обществом, народом, нацией — может. Не средний класс вышел с протестом. Это общество в целом выслало своих гонцов сказать, что оно собирается жить по-другому» (Левинсон 2012). В этой реакции Левинсона чувствуется не только озабоченность человека, симпатизирующего движению, но и анти-марксистская энергия исследователя, принадлежащего к последнему советскому поколению (хотя, разумеется, термин «средний класс» не имеет никакого отношения к марксистским классам). «Да, классовый подход заведет куда не надо», — добавляет он (Левинсон 2012).

С подобной точкой зрения согласны и многие рядовые протестующие. Вот что, например, говорит один петербургский наблюдатель на выборах:

То есть вот я несогласен с той идеей, что это протест так называемого среднего класса, то есть я не признаю такое понятие — средний класс, потому что это деление людей по доходам, но не по их классовой принадлежности. То есть это не то, что деление: буржуазия, пролетариат. Это уже другое что-то. То есть выходят очень разные люди. И поэтому я несогласен с теми людьми, которые говорят, что это люди выходят богатые, креативный класс, это все. Это выходят люди очень разные, поэтому это в каком-то смысле и хорошо, что люди разные, то есть это говорит как раз о том, что этот вопрос, эта проблема — она задает очень разных людей, а не только людей какой-то одной профессии или социальной группы (инженер, 35 лет, СПб., 7.03.2012).

С другой стороны, Денис Волков, также сотрудник Левада-Центра, возражает, что движение «смотрелось изнутри так, как будто «все» или «очень разные люди» пришли на митинг (прежде всего потому, что толпа была очень пестрой, там были самые разнообразные лозунги, одежда, запросы). Но для среднего россиянина, наблюдавшего за событиями на экране телевизора, они должны были выглядеть как собрание обеспеченных людей» (Волков 2012), и подконтрольное государству телевидение настойчиво подчеркивало классовую определенность протестующих («средний класс», «креативный класс», «сытые» и т. п.). Выборы 5 марта, как кажется, подтвердили эту точку зрения, раз Путин набрал большинство голосов даже в больших городах, где его поддержка была наиболее низкой⁵. Как заметил Грэм Робертсон, один из ведущих специалистов по российским протестам, «[р]аскол, возникший между более богатыми и образованными горожанами, в особенности жителями Москвы и Санкт-Петербурга, и остальной страной, глубок, и он останется надолго» (Robertson 2012).

Оценки Волковым состава протестующих основаны на московских протестах, однако «Движение за честные выборы» никоим образом не сводится к Москве или даже к Москве и Санкт-Петербургу. За неимением статистики по России в целом, мы можем предположить, изучая фотографии, что социальные характеристики протеста в регионах были не так специфичны, как в Москве (Gabowitsch 2013). Однако имея в виду сравнительно небольшое количество участников в протестах «за честные выборы» в провинциальной России, можно сделать вывод о том, что у этого массового протеста было свое социальное лицо. Протест 2011–2012 годов резко отличался, например, от выступлений против монетизации льгот, которые не были сосредоточены в Москве и Санкт-Петербурге и в которых массово участвовали пожилые граждане, основные получатели льгот.

Эти приблизительные оценки делают российское «Движение за честные выборы» похожим на новые социальные движения, характерные для западных стран после 60-х. Большая часть исследований этих движений, вне зависимости от того, можем мы назвать их «новыми», или нет, указывает на определенность социальной группы, лежащей в их основе. Эта социальная группа часто идентифицировалась

⁵ Поддержка Путина, конечно, не означает активной политической позиции. Это результирующая двух тенденций: принятия его политики и общего предпочтения его личности немногочисленным альтернативным фигурам. Тем не менее, данные опросов показывают, что доверие к Путину остается относительно высоким и достигает 57 % в сентябре 2013 года («Я полностью доверяю» или «скорее доверяю Путину»; см. Иванов 2013). Интересный анализ путинского «большинства» см.: (Рогов 2013).

исследователями как средний класс (Huntington 1991) или, чаще, новый средний класс (Белл 1999; Gouldner 1979; Eder 1993)⁶, или отдельные профессиональные подгруппы среднего класса (Kriesi 1989). В любом случае, новые социальные движения, возникающие в 1960-е годы, перенимают репертуар действий и некоторую часть повестки у старых социальных движений, которые были в большей мере основаны на низших классах, таких как рабочие и крестьяне, но при этом в их повестке появляются новые проблемы — проблемы идентичности, свободы самовыражения, и других «постматериалистических» ценностей. С одной стороны, протесты такого рода стали общим местом и свойственны новой «демократии демонстраций» (Etzioni 1970) или «контрдемократии» (Rosanvallon 2008), с другой стороны, сегодня на Западе эти движения обычно теряют свою радикальную антагонистическую природу, редко стремятся свергнуть режим либеральной демократии и еще реже продвигаются в этом направлении. В последнее десятилетие новые социальные движения эволюционируют в новые формы борьбы с авторитаризмом, такие как социальные форумы 1990–2000-х годов или недавняя волна движений «Occupy». Эти движения возвращаются к левой идеологии, но одновременно ставят все больший акцент на своем *присутствии* в публичной сфере (например, на оккупации), а не на содержательных политических требованиях. Некоторые исследователи (напр.: Goldfarb 2012) даже называли их «новыми новыми социальными движениями» в отличие от более сконцентрированных на субъекте и утверждающих идентичность, но менее революционно ориентированных «новых социальных движений». Однако подобная характеристика — простое удвоение «новизны» в названии — показывает, что точная социально-политическая роль этих движений пока никому не ясна.

С учетом того, что лозунги недавних российских протестов в основном касаются политики и морали («честные выборы», репрезентация, коррупция) и уделяют мало внимания социальному неравенству, бедности и угнетению, а также того, что протесты имели умеренный и ненасильственный характер, они могли бы быть попасть в ту же категорию, что и «новые» или «новые новые» социальные движения в развитых странах, хотя их непосредственная цель (авторитаризм, фальсификация выборов) более типична для полупериферийных стран.

В адрес идеи «протеста среднего класса» можно высказать три претензии. Во-первых, то, что на протестах представлен средний, а конкретнее «когнитивный» или «креативный» класс, может быть итогом сбоя некоего движения с более широким классовым составом:

⁶ Эдер обращает внимание на ценности нового среднего класса: консенсус и солидарность.

движения, неспособные получить широкую поддержку, оказываются исторически привязанными к своим инициаторам-интеллектуалам. Левые протесты XIX века также запускались интеллектуалами, принадлежащими к среднему классу, но получали поддержку эксплуатируемых рабочих, крестьян и деклассированных элементов (Della Porta, Diani 2006: 56). В современном развитом обществе движение среднего класса, будучи движением относительно богатых и привилегированных граждан, не может быть совершенно антагонистичным по отношению к существующему общественному строю.

Во-вторых, понятие среднего класса — сомнительный продукт отказа от марксистской классовой теории с ее определением класса через структуру разделения труда. Это понятие редуцирует сложность социальной структуры до количественной гомогенности. Конечно, оно описывает определенную социальную группу, отчасти объединенную доходами, стилем потребления и стилем жизни. Однако это не проясняет темы антагонизма и конфликта, помимо промежуточного статуса группы и ее умеренных взглядов. Единственное, что здесь важно, это то, что средний класс — это класс, которому (как марксовой «буржуазии») есть что терять, и поэтому он воздерживается от по-настоящему радикальной политики. Но интересно, почему и как этот «класс» может вступить в антагонистический конфликт с другими.

В-третьих, как уже было сказано, «средний класс» или любая подобная характеристика — это плохой кандидат на должность самоименования движения. Как объективная характеристика эта формула никак не связана с той работой самопрезентации и самоименования, которая очень свойственна современным движениям. Люди строят свою идентичность посредством культурных, половых, биосоциальных характеристик, но не посредством социально-политических категорий, как в XIX и начале XX века. Поэтому проблема субъекта расщепляется данным анализом на два различных аспекта: объективный и субъективный, что не очень помогает в работе по пониманию социальных групп в эпоху «рефлексивной современности» (Beck, Giddens, Scott 1994).

Ряд исследователей пытались оспорить «классовые» теории новых протестов — например, Далтон, Кюхлер и Берклин, суммируя многообразные данные, утверждают, что новые социальные движения выстраиваются на рассеянной базе общенародной поддержки, а не на классовой или этнической базе (Dalton, Kuechler, Burklin 1990: 12; см. также: Buechler 1995). Как мы увидим далее, случай российских протестов говорит в пользу «общенародной» версии, хотя необходимо быть осторожными и отличать «объективную» классовую характеристику и политическую идентичность движения.

Альтернативой теориям «среднего класса» стала итальянская неомарксистская политическая теория и политическая экономия.

Мы говорим о разрабатываемом Антонио Негри и Паоло Вирно понятии «множеств», которое обозначает новый квази-класс работников «нематериального труда»: субъектов, продающих на рынке труда свои интеллектуальные («когнитивные») и коммуникативные навыки; гибридная форма между буржуазными интеллектуалами и наемными рабочими (Негри, Хардт 2006; Вирно 2013).

В отличие от классов XIX века, множества — это не единая группа, а гетерогенная глобализованная среда, которую крайне сложно политически организовать. Но, согласно Негри и Хардту, эта группа растет и становится все более подчиненной, даже угнетенной, и в экономическом, и в моральном смысле (ее труд недооплачивается, отчуждается и она не может гарантировать себе стабильных условий существования). Поэтому она объективно антагонистична по отношению к существующему порядку вещей. Наиболее вероятный способ ее восстания — негативный: скорее «исход», нежели революция. Тем не менее, эта сила в долгосрочной перспективе должна ниспровергнуть систему.

Этот новый классовый подход важен тем, что он объясняет антагонистическую борьбу между различными группами в обществе (а не сваливает ответственность за поражение освободительных социальных движений на одно лишь авторитарное правительство). Множества — не единственная группа в обществе, и понятно, что она наталкивается на сопротивление. Слабость же его, во-первых, состоит в том, что «множества», точно так же как и «средний класс», вряд ли могут стать самоименованием серьезной оппозиционной силы. Во-вторых, несмотря на различную концептуализацию, Негри и Вирно соглашаются с упомянутыми выше социологами в том, что главный субъект протеста сегодня — образованный городской профессионал, разница лишь в том, как мы его определяем.

Таким образом, вызов для исследования социального движения сегодня состоит в том, чтобы понять его политическую субъективность и ее социальную основу, тем самым согласовывая его объективную и субъективную движения. И ключевым вопросом тогда становится, как именно участники движения осознают социальную идентичность, свою и своих соратников.

В. Идеология

Повестка дня, или идеология современных протестов и социальных движений, неоднократно становилась предметом анализа. Существует несколько широко признаваемых выводов, которые здесь необходимо отметить:

1) Повестка новых движений и протестов возникла в 1960-е годы и сильно отличается от традиционных социалистических,

марксистских идеологий. Это означает, что проблемы «надстройки» приобрели как минимум такое же большое значение, как и проблемы социально-экономического «базиса», и что степень радикальности протестных движений (за недостатком идеи неотвратимой революции) резко снизилась. Основные идеологические ценности новых движений — это окружающая среда, социальная солидарность, достоинство и уважение и т. д. (Mellucci 1985), хотя социально-экономические темы, такие как анти-капитализм, протест против неравенства, миграция и т. д., также присутствуют в их повестке дня.

Оживление движений в последние 30 лет стало итогом кризиса традиционных партий и идеологий, которые утратили свои стабильные социальные основания, бюрократизировались и сдвинулись к центру так, что их программы стали зачастую неразличимы. Новые политические партии при этом становятся идеологически эклектичными, а их отношение к избирателям приобретает черты предпринимательства: тенденция, которая в XX веке часто обозначалась как «популизм» (уничжительно), или как «catch-all» — в отношении партий (Kirchheimer 1966). А неформальные «новые» движения, наоборот, предъявляют конкретные радикальные требования, связанные с моральными ценностями, правами групп, или с иной частной социальной проблемой.

2) Ключевая идеология многих из движений данного типа, — их собственная идентичность (этническая, сексуальная, и т. п.). Это скорее движения типа «мы здесь», чем движения, ставящие себе целью прийти к власти и диктовать политику (Tarrow 1998). Поэтому их программы неизбежно приобретают черты самовыполнения: сам по себе факт выступления уже отчасти реализует запрос на солидарность и коллективное существование (Buechler 1995). Эти движения ставят реальные проблемы непризнания групп (Taylor 1994; Nonneth 1996; Tarrow 1998) и иногда требуют трансформации всего общества в данном отношении (признание гомосексуальных браков переопределяет брак и т. п.). Тем не менее, выход на первый план проблемы признания (со стороны уже существующего режима) указывает на большую умеренность и рутинизацию этих движений в сравнение со старыми революционными восстаниями.

3) Зеленые, «социальные форумы» и анархистские оппозиционные группы (такие как Tiqqun) унаследовали сильное утопическое чувство, что сближает их со старыми Левыми. В то же время, в последние два десятилетия новые социальные движения также оказываются частично зараженными крайне правой идеологией (в том числе упором на национальную идентичность и протест против миграции) (Mouffe 2005; Virno 2005).

И все же, если говорить в терминах традиционных идеологий, большинство протестных движений последних 50 лет склоняются

к либерализму (язык прав, полное принятие либерально-демократического государства и апелляция к нему за признанием). Это оказывается еще более верным, если рассматривать не Запад, а протесты на периферии и полу-периферии современного мира. Протест против различных форм тирании за пределами Запада чаще всего обращается к либерализму: отсюда теории «демократизации» (Huntington 1991), «либеральной революции» (Ackerman 1994) и т. д. Восточно-европейские движения против коммунизма в 1980-х годах, с их требованиями либерально-демократические конституций и свободного рынка — классический пример этой тенденции, как и «цветные революции» 2000-х годов в бывшем СССР. Это же свойственно протестам 1989 года в Китае, 2010 года в Иране, 2011–2012 годов в России, 2013 года в Турции и т. д. Отношение между этими либеральными или неолиберальными политическими движениями за «демократизацию» и новыми социальными движениями — все еще не решенный вопрос.

3. Исследование

Мы (Коллектив исследователей политизации) выбрали простой и практичный метод полуструктурированных интервью с участниками митингов, происходивших в России в 2011–2012 годах. Члены группы (8–10 человек в различные периоды) проводили интервью с участниками во время митингов, в основном в Санкт-Петербурге и Москве. Каждое интервью длилось 15–20 минут. По причине сравнительно небольшого числа интервьюеров нам не удалось добиться действительно случайной выборки, однако мы стремились беседовать с людьми разного возраста, пола и принадлежащими к различным социальным группам (насколько это возможно было определить по внешним признакам). В течение первого года протестов мы провели более 200 интервью, что предоставило нам ограниченный, но заслуживающий внимания массив данных о митингах, собравших от 5 000 до 10 000 человек. Вопросы интервью (список см. Приложение) касались возможности развития движения и самоидентификации протестующих. Список состоял из 22 вопросов, разделенных на 3 блока: Отношение к митингам; Политические взгляды; Биографические данные. Вопросник включал в себя такие основные вопросы, как «Как Вы считаете, какие люди ходят на эти митинги, а какие сидят дома вместо того чтобы ходить на митинги?», «Может ли это движение включить в себя не только требования честных выборов, но и другие, более широкие требования? Какие именно? — А как Вы считаете, могут ли это быть, например, социальные требования?», «Как Вы считаете, какие проблемы в нашей стране нужно решать в первую очередь?».

Результаты такого исследования могут использоваться только вместе с другими данными, такими как данные массовых опросов участников и данные о лозунгах митингов. Мы в особенности полагаемся на опросы Левада Центра (Волков 2012) и на архив плакатов и других дискурсивных материалов с митингов (PEPS), собранный Михаилом Габовичем. Ограничение этих интервью — их география (Санкт-Петербург и Москва): они позволяют нам изучать события в столицах, но для изучения особенностей происходящего в регионах России наши данные бесполезны. Архив Габовича содержит множество данных с митингов за пределами Москвы и Санкт-Петербурга, поэтому соединение его с данными наших интервью релевантно только в плане общего черт протестов в России целом. Как мы увидим, такие общие черты, преодолевающие географическую стратификацию, существуют.

Качественное исследование дает изучению протестов возможность герменевтического понимания, прослеживания логики субъектов, участвующих в новом движении, и позволяет заглянуть в будущее — т. е. увидеть существующие потенциалы для развития движения.

4. Результаты исследования

Теперь обсудим результаты нашего эмпирического исследования, той его части, в которой оно затрагивает самоидентификацию протестующих. Хотя движение в основном концентрировалось на «честных выборах» и не рассматривало презентацию идентичности как важную проблему (не будучи, таким образом, стандартным движением за признание), самоидентификация, тем не менее, имела место. Как минимум, существовала *потенция* для самоидентификации в том или ином направлении, что важно для понимания возможного развития движения в политическую силу. Самоидентификация, или самоименование, — важный, хотя не единственный, момент политической субъективации.

В вопросник для интервью мы включили два прямых вопроса на эту тему: «Как Вы считаете, какие люди ходят на эти митинги» и «Относите ли Вы себя к какой-либо социальной группе, слою, классу?». Однако идентификация протестующих также просматривалась и в ответах на другие вопросы. В транскриптах есть, во-первых, 51 идентификационных упоминаний «среднего класса» в 38 интервью (из 165 проанализированных). Также есть 6 самоописаний как «креативного класса». Таким образом, средний и креативный класс дают 26 % самообозначений.

«Средний класс» упоминается почти исключительно как ответ на вопрос «Относите ли вы себя к какой-либо социальной группе, слою,

классу?», тогда как иная самоидентификация — «народ» (о которой ниже) — возникает в разнообразных контекстах, в том числе в отношении собравшихся на митинг или тех, кого они «представляют». Примечательно, что в 9 из 38 интервью самоидентификация через «средний класс» сопровождается оговоркой: «Это [вышел] городской средний класс. Если так, конечно, среднего класса в России как такового нет, но если говорить о как-то более-менее уровне материального благосостояния, то это более ли менее люди молодые, среднего возраста» (муж., 35–40 лет, администратор, 4.02.2012, Санкт-Петербург), «Ну я себя отношу не к среднему классу, но в принципе я там» (муж., около 40 лет, 4.02.2012, Москва), «Хотелось бы к среднему классу, но, наверное, недоотягиваю» (муж., 45 лет, техник, 15.09.2012, Санкт-Петербург), «Наверное, я зачаток среднего класса» (муж., 20–25 лет, Волгоград, интервью с наблюдателем вне митинга): странным образом в современном российском дискурсе изначально дескриптивное понятие «средний класс» приобрело нормативное утопическое значение. Таким образом, эта идентификация, хотя и на слуху, представляется нашим информантам проблематичной. Они идентифицируются не столько со средним классом, сколько с вопросом среднего класса.

Некоторые ответы четко определяют протестующих как более образованную и более привилегированную страту — информанты соглашались таким образом с либеральным описанием протеста как движения небольшого, вестернизированного среднего класса против более отсталой и неразвитой массы.

Ну предприниматели, ну люди такого среднего, скажем так, достатка. Я не могу сказать, что я много зарабатываю, но люди, когда они имеют такой минимум уже, им вот хочется чего-то уже другого, не только колбасы и хлеба. Я понимаю, что сейчас очень много народу, людей, особенно в провинции, которые хотят хлеба и колбасы. Грубо говоря. В том же самом Петербурге, в той же Москве, я думаю, есть такие. Но вот когда ты приходишь до... меняется выражение. Хочется чего-то... хочется честности, правды (муж., около 40 лет, 4.02.2012, Москва).

Такое впечатление, что этот информант читал полные собрания сочинений Маслоу и Инглхарта... Подобная самообъективация и рефлексивность (Touraine 1985) очень свойственна для данного движения. И, как мы увидим далее, тенденция объективировать себя может играть как блокирующую, так и потенциализирующую роль для перспектив движения.

Илья Матвеев (см.: Матвеев 2014), верно улавливает эту тенденцию к псевдосоциологическому самоописанию протестующих и сочувствующих протестам как продвинутой и в то же время преуспевающей элиты общества, которая далее ведет к риторическому

преувеличению и нагнетанию социального антагонизма между зажиточным и образованным меньшинством и малокультурным послушным большинством.

Для самоописания движения как «среднего класса» есть объективные основания, но если бы оно было единственной и доминирующей формой самосознания демонстрантов, то их протест был бы заведомо безнадежным делом в условиях сильного авторитарного режима, который использует выборы для своей легитимизации. Движение «элитного» меньшинства, за неимением идеологической гегемонии, вряд ли может рассчитывать победить такой режим посредством внепарламентского протеста. И многие из самих выступающих, даже те, кто однозначно принадлежал бы к «среднему классу» по всем объективным классификациям, понимают это.

Однако наше исследование показывает, что «средний класс» — далеко не единственная доминирующая форма самоидентификации протестующих. Другое, менее частое, но также весьма распространенное самописание — «народ». Всего встречается 80 упоминаний «народа» как идентификации самих протестующих или некой большей группы, которую они представляют, и эти упоминания сосредоточены в 16 интервью (10 % от всех интервью).

Самоидентификация протестующих через «средний класс» неудивительна, с учетом популярности термина в СМИ и применения этой категории к протестующим в социальных науках. Но вот название «народ» кажется объективно неадекватным (протестующие не могут реалистично рассчитывать на то, что они представляют большинство или являются изгоями общества) и противоречит как официальным, так и либеральным СМИ (которые называли протестующих «средним классом», «хипстерами» и так далее). Тем не менее, данные однозначно указывают на частоту употребления этой категории.

Вопрос: Относите ли вы себя к какой-либо социальной группе, слою, классу?

Ответ: Ну, к простому, к народу (муж., 63 года, бывший рабочий, 25.02.2012, Санкт-Петербург).

Интересно, что 5 из 16 информантов, говорящих о народе, также идентифицируют себя как «средний класс». То есть для них эти категории не являются взаимоисключающими.

Большинство упоминаний «народа» не определены, но ясно, что «народ» обозначает массу людей, противопоставленную правительству. Классифицируем значения «народа», следуя Маргарет Кэнован (Canovan 1999), как либеральное, националистическое и социальное. Либеральными будем считать те упоминания, в которых под «народом» понимается правовая инстанция, конституционный суверен,

националистическими — когда под народ представляется как русская нация, социальными — когда это обозначение простых людей, объединившихся против элит. В таком случае мы обнаружим около 14 апелляций к «народу» в конституционном смысле, как к некоей абстрактной сущности, подлежащей репрезентации, напоминаний о том, что «народ» — действительный суверен, который «нанимает» правительство. Три упоминания отсылают к «русскому народу» (плюс еще одно, негативное, как чего-то, до чего информанту «нет дела»). 8 раз речь идет явно о «простом народе», противопоставленном элитам и властям: «[Вот как] бывает в странах, где власти не обращают внимание на то что происходит внизу, на народ» (муж. средних лет, не работает, 4.02. 2012, Москва).

Большинство упоминаний, однако, не определены: они отсылают к собравшимся на площади как к «народу» или как к части «народа» и требуют ему власти в реальном смысле слова: «Власть должна принадлежать народу».

Вот один из самых красноречивых ответов:

В: Скажите, а что Вы ждете от этого митинга?

О: То, что поменяется общество и государство в лучшую сторону. Что власть будет с народом.

<...>

В: А как Вы считаете, какие проблемы в стране нужно решать в первую очередь?

О: В первую очередь, коррупция, это то, что правительство считает народ быдлом, что можно народные деньги направлять на свои нужды, а народ — это расходный материал, так скажем (муж., 25 лет, историк, 4.02.2012, Санкт-Петербург).

Обратим внимание на то, что здесь делается сложный риторический ход. Обычно слово «быдло» означает необразованные бескультурные массы, иногда используется как раз в отношении того большинства, которое поддерживает Путина, и противопоставляется Движению за честные выборы. Наш же информант, интеллигент, использует это слово как несобственное самоопределение, указывая на наличие социального разделения и в то же время отрицая его, приписывая его властям, которые плохо обращаются со всем народом. Таким образом, достигается риторическое объединение с предполагаемым «быдлом».

Из 16 информантов, так или иначе характеризующих протестующих как «народ», 4 человека могут быть отнесены к нетипичным для данного протеста группам, не принадлежащим к среднему, или «городскому образованному», классу. Это рабочий, пенсионер из бывших рабочих, механик и бывшая медицинская работница, теперь моющая полы. Поэтому выделенная мною популистская под-

группа протестующих с определенным основанием указывает на свою социальную разнородность. Но говорить, что «народ» — это по преимуществу самосознание тех из протестующих, кто принадлежит к более низким классам общества, нельзя. Их только 4 из 16 (25 %). В то же время, в общей совокупности наших интервью число «нетипичных» информантов, т. е. тех, кто не относится к работникам когнитивного или коммуникативного труда и при этом не является предпринимателем, равно 27 из 165, т. е. примерно 18 %. Учитывая небольшое количество случаев, эти доли (25 % и 18 %) значимо не отличаются, поэтому выводов об особом социальном составе «популистов» ДЗЧВ сделать нельзя. Эта группа столь же разнородна, как и основная масса протестующих, и в то же время в ней столь же явно выделяется ядро городского образованного класса. А большинство участников, занимающихся ручным или иным низкоквалифицированным трудом, ни про какой народ в своих интервью не говорят.

Слово «народ» также звучало и в публичном дискурсе протестов, хотя встречалось неравномерно. Систематически его использовал и использует один из лидеров ДЗЧВ Алексей Навальный. Навальный давно и последовательно обращается к «народу» в своей риторике. Как известно, он начал свою политическую карьеру в социально-либеральной партии «Яблоко», одновременно сотрудничая с лидерами ортодоксально-либерального «СПС». Во второй половине 2000-х годов Навальный начал искать более широкую платформу и стал в 2008 году, вместе с С. Гуляевым и другими единомышленниками, со-основателем национально-демократического движения «Народ». Как хорошо известно, Навальный участвовал в ряде мероприятий, организованных оппозиционными русскими националистами. В 2010 году Навальный начал вести блог «РосПил», посвященный отслеживанию и осуждению коррупции в сфере государственных расходов. Навальный — классический случай популистского политика, и вряд ли в его случае можно легко провести границу между возможными прагматическими, тактическими ходами либерала по убеждениям и искренней преданностью националистическому и анти-системному кредо. Обращения к «народу» звучат практически в каждой публичной речи Навального, как и выразительно агрессивные характеристики элит («жулики и воры» и т. п.). Вот характерная цитата из его речи на памятном митинге 6 мая: «Понятно, что сюда на улицу вышло что-то огромное, мощное и кому-то страшное... Я часть этого огромного и страшного, и я его не боюсь. Это огромное — это Народ»⁷.

⁷ TVKeep, «Говорит Навальный на митинге 6 мая на Болотной», YouTube видео, 8:09, 6 мая 2013. <http://www.youtube.com/watch?v=3ZtUWR1SQFQ>.

В характерно возвышенной стилистике⁸ Навальный делает здесь двойной жест, одновременно говоря о Народе как о чем-то чужом и необъятном («Я не боюсь») и идентифицируясь с ним.

Эта двусмысленность соответствует проблематичной задаче идентификации протеста, преимущественно объединившего городских профессионалов, со всем народом и более того, с народом как иррациональной стихийной силой. Следует в принципе бояться этой массы — но если ты настоящий революционер, то ты не боишься. Навальный делает сильную ставку, придерживаясь одновременно либерально-демократических и националистических позиций, которые в России традиционно принадлежат к различным социальным средам и дискурсам. Во время митинга националистов «Хватит кормить Кавказ», который состоялся незадолго до начала протестов «За честные выборы», Навальный противопоставил «нормальных» обитателей Кавказа диковатому «быдлу», которое приезжает оттуда, употребив уничижительное название плебса, уже встречавшееся нам в этой статье⁹. Недавно, по случаю «Русского марша» в ноябре 2013 года, он сделал неоднозначный жест, не придя на марш, но выразив, тем не менее, свою симпатию к нему¹⁰. Однако в своих комментариях Навальный воздерживается от очевидного шага отождествления «народа» с русской нацией, но отсылает к «большинству», противопоставляя его предположительно опасным мигрантам. Он также пытается артикулировать национализм через либерализм, подчеркивая, что защищает европейские ценности от не-европейских мигрантов и т. п.¹¹ Эта попытка сконструировать популистский национализм обычна в европейском контексте, где в последние годы мы также видим подъем правого демократического популизма, и Навальный сам открыто апеллирует к таким европейским

⁸ «Возвышенное» в строгом смысле слова описывает конечную точку зрения на бесконечную силу или величину, превосходящую наше воображение (см.: Кант 1994). «Народ» поэтому — понятие, хорошо подходящее для возвышенного языка.

⁹ drug2001, «ХВАТИТ КОРМИТЬ КАВКАЗ ! А.НАВАЛЬНЫЙ (МИТИНГ)», YouTube видео, 5:45, 24 октября, 2011. http://www.youtube.com/watch?v=V8AtH44_39c.

¹⁰ Алексей Навальный, «Русский марш», 2 ноября, 2013. <http://navalny.livejournal.com/877154.html>.

¹¹ Алексей Навальный, «Куда денут тысячу садоводов?», 28 октября, 2013. <http://navalny.livejournal.com/874403.html>; Алексей Навальный, «Почитайте отличного Ашуркова о визах», 29 октября, 2013. <http://navalny.livejournal.com/875207.html>; Илья Азар, «Ущемленный русский. Почему Алексей Навальный не хочет кормить Кавказ», *Lenta.Ru*, 4 ноября, 2011. <http://lenta.ru/articles/2011/11/04/navalny/>.

партиям¹². Но в России такой синтез пока остается на уровне заявки — мы еще увидим, удастся ли Навальному выстроить из этого гибрида дискурсивную и политическую конструкцию.

Риторика «народа» широко встречается и в лозунгах, которые протестующие демонстрировали на митингах. Креативность в изготовлении транспарантов и плакатов свойственна новым социальным движениям еще с 1968 года. В случае ДЗЧВ мы имеем дело с огромным количеством креативных и остроумных лозунгов (это не было характерно ранее для социальных движений в России). Михаил Габович и его группа собрали информацию о более чем 8000 протестных событиях, а также фотографии и тексты лозунгов с этих событий, и любезно предоставили нам возможность изучить свою базу данных PEPS¹³. Согласно этим источникам, слово «народ» используется в смысле некоей силы, противопоставленной правительству, 222 раза, в 3 % всех лозунгов¹⁴. При этом обращение к среднему классу отсутствует вообще; рабочий класс упоминается дважды (на митингах не в Москве), креативный класс — единожды («Креативный класс — это про нас!»). Классифицируем лозунги, упоминающие народ, сообразно тройной модели, использованной выше: на те, в которых народ используется как правовая инстанция, суверен по конституции (либеральное значение); те, где он означает русскую нацию (националистическое) и те, где он отсылает к простому народу, объединенному в противовес элитам (социальное значение)¹⁵. 44 лозунга очевидным образом попадают в категорию либеральных («Народу нужно сменить менеджера», «Власть принадлежит народу по Конституции»); лишь 8 обратились к русской нации, а все остальные (170) — либо социальные, как, например, «Власть народу, а не политикам», «Власть простому народу» и т. п., либо немаркированные, но близкие к социальным, где народ представляется как реальная, но неопределенная сущность: «Вся власть народу» (лозунг, выходящий за рамки стандартной модели представительной демократии) или

¹² Илья Азар, «Ущемленный русский. Почему Алексей Навальный не хочет кормить Кавказ», *Lenta.Ru*, 4 ноября, 2011. <http://lenta.ru/articles/2011/11/04/navalny/>.

¹³ См.: PEPS, gabowitsch.net/peps. См. также собственный анализ Габовичем этих данных в его книге, на сегодняшний день наиболее полное рассмотрение российских протестов 2011–2012 (Gabowitsch 2013).

¹⁴ См. комментарий самого Габовича о стремлении протестующих отождествить себя с народом, выступающим против власти, которое он критикует как причину неудачи, как «обострение позиции в конфликте с оппонентом» (Gabowitsch 2013: 151).

¹⁵ См. аналогичную классификацию Маргарет Кэнован: «единный народ», «наш народ», и «обычные люди» (Canovan 1999: 5), ср. (Mény, Surel 2000).

известный слоган немецкого анти-социалистического движения 1989: «Wir sind das Volk». В обоих случаях «народ» представляется как реальная сила, противостоящая режиму снизу.

5. Обсуждение

Итак, что все это значит? Почему образованные городские профессионалы и присоединяющиеся к ним гетерогенные социальные группы обращаются к «народу» и, более того, к «простому народу»? Что это говорит нам об идеологии этих протестов, содержащемся в них потенциале гегемонии и политической субъективизации?

Использование означющего «народ» подсказывает, что мы имеем дело с «популистским» дискурсом¹⁶, даже несмотря на известную неопределенность этого понятия. Изначально использовавшийся для описания конкретных социальных движений в России первой половины XIX века («народничество») и в США конца XIX века, в первой половине XX века термин «популизм» начал употребляться в уничижительном смысле. Некоторым образом он предполагает «плохой» вариант народной политики, противопоставленный ее «хорошему» варианту в парламентском *демократическом* дискурсе. Основой демократии, по определению, является народ как суверен, но когда начинают апеллировать к народу как тотальности, или к народу, противопоставленному правительству, то предполагается, что это знак безответственного популизма. Популизм в XX веке связывался не только с неумеренным использованием термина «народ», но также с *риторическим*, нечестным использованием речи (Minogue 2005) и с «экзальтацией/энтузиазмом» в риторике (Canovan 1981). Понятие популизма обычно использовалось при обсуждении движений, ориентированных на харизматических лидеров, с неясной идеологией, эксплуатирующих чувства социального негодования и озлобления (ressentiment). Несколько более благожелательные, хотя все равно осуждающие, подходы, например, Пьера-Андре Тагиеффа (Taguieff 1997), подчеркивают, что популистские движения являются реакцией на кризис политической репрезентации, и их объединяет отказ от нее. Тем не менее, Тагиефф видит в популизме «деформацию» демократии, рассматривая идею нерепрезентативной народной власти как «иллюзию».

В последние годы, с началом проблематизации «демократии» как общепринятой руководящей ценности, понятие популизма стало вновь актуальным и было теоретически и практически реабили-

¹⁶ Ср. со словами Маргарет Кэнован: «что объединяет все популизмы, так это обращение к понятию народа как предельному источнику легитимности» (Canovan 2005: 80).

тировано. Так, можно рассматривать идеологию масштабных политических протестов 2010–2012 годов в Европе (Испания, Франция, Греция, Италия и т. д.) и в США в 2010–2012 годах как популистскую. Наиболее ярким примером служит слоган движения «Occupy Wall Street» в Нью-Йорке: «Нас 99 %». Он является популистским в том смысле, что противопоставляет «низы» и «верхи» [общества], а также использует рискованный риторический прием, идентифицируя десять тысяч человек, находящихся в Зукотти-парке, с 99 % населения США.

Как писала Венди Браун по следам этого движения:

Ошеломляющее богатство верхов и демонтаж социального государства усилили новое популистское политическое сознание. [Находясь] вне разрушенных традиционных форм солидарности и атак на демократию как таковую, новый этос масс становится более рельефным: умеренно демократический, возможно, еще в меньшей степени эгалитарный, но определенно принадлежащий к чему-то большему, чем индивидуальные, частные или партийные интересы (Brown 2011).

С этим согласна Шанталь Муфф, высказавшаяся в более нормативном ключе:

[После движения «Осциру»] на кону стоит построение — через объединение усилий внепарламентской и парламентской борьбы — левого популистского движения, которое обеспечит коллективную волю, необходимую для того, чтобы бросить действенный вызов нео-либеральной гегемонии (Mouffe 2011: 5).

Теоретически понятие популизма впервые возродилось в работах Маргарет Кэнован, которая от нейтральной позиции, высказанной в книге 1981 года (Canovan 1981), перешла к более сочувственному рассмотрению популизма как симптома внутреннего напряжения демократии в статье 1999 года (Canovan 1999) и книге 2005 года (Canovan 2005), где она говорит о поднимающемся «новом популизме» внутри стабильных буржуазных обществ Западной Европы и США, где это явление могло бы показаться неожиданным.

Однако решающим шагом в конструировании понятия и его реабилитации для левой политики стала опубликованная в 2005 году книга Эрнесто Лаклау «О популистском разуме» (Laclau 2005). Лаклау, как и Кэнован, рассматривает популизм как неотъемлемую часть демократической политики. Действительным источником популизма в современных капиталистических обществах является размывание устойчивых классовых границ и вытекающая отсюда неопределенная гибкость политической идеологии и идентичности. Больше нет

коллективного субъекта, который бы существовал до всякой политики, и поэтому он конституируется в самом событии политического действия. Используя логику гегемонной «артикуляции», которую он разработал вместе с Шанталей Муфф еще в 1983 году (Laclau, Mouffe 2011), Лаклау объясняет популизм как выстраивание «цепи эквивалентностей» между на первый взгляд гетерогенными проблемами и идентичностями, стягивающимися к одному конкретному вопросу, который становится «точкой пристежки» (*quilting point*) идеологии. Популизм является такого рода артикуляцией, которая формулирует *антагонизм* между «обычными людьми» и властями. Абстрактный характер этой оппозиции происходит из отсутствия содержательных оснований, на которых различные группы и протесты могли бы объединиться. Пустота слова «народ» и других популистских слоганов заполняет пустоту социального целого, как утверждает Лаклау, опираясь на негативную онтологию Лакана. Лаклау фиксирует эту идеологическую пустоту и эклектизм протестных движений, хотя подобные тенденции уже давно были замечены менее ангажированными исследователями политики в стратегиях парламентских партий, который смещаются от классовой политики к политике максимального электорального охвата (*catch'-all*) (Kirchheimer 1966).

Лаклау приветствует популизм как пример подлинной *политики* в деполитизированной среде нео-либерального капитализма. Размытость социального определения для него — не минус, а плюс, потому что тем самым движение приобретает открытость будущему и не подчиняется догматической логике. Именно популизм, с его пустым и открытым означаемым, может, по Лаклау, стать по-настоящему объединяющим и по-настоящему освободительным для современных обществ, именно популизм радикализирует конвенциональную «демократию».

В терминологии Лаклау социальные движения, возникавшие по всему миру в 2010–2013 годах, как раз и могут быть описаны как *популистские*. Однако на Западе (по Валлерстайну, ядре капиталистической мир-системы) и в странах полу-периферии вроде Греции, России и Турции эти протесты не сумели мобилизовать широкие народные массы и были относительно просто нейтрализованы правительствами указанных стран, более жестоко на полу-периферии, менее жестоко в ядре. Левая или либеральная популистская гегемония, по определению являясь риторической претензией, еще не стала действительным фактом. В этом отношении новые популисты уступают правому националистическому дискурсу, который также является популистским и сознательно используется авторитарными лидерами типа В. Путина.

На основании результатов нашего исследования мы можем внести некоторые коррективы в теорию популизма Лаклау в приложении к России и другим подобным странам.

Во-первых, в странах, подобных России, пустота возвышенных слоганов и «народа» является результатом политизации *аполитичного* общества¹⁷. Изначально здесь не существует вообще никакого политического самосознания, и «народ» возникает как его замена лишь *потенциально*. До сих пор не было ни одной серьезной попытки сделать новый «народ» основой новой гегемонной политической платформы. Поскольку означаящее «народ» пусто, то оно подходит для того, чтобы заечь и объединить протестующих, однако может стать помехой в поддержании движения в долгосрочной перспективе.

Чего не видит Лаклау, отказываясь от размышлений о социальной базе популизма, так это того, что сегодня в большинстве стран не плебс представляет себя как народ, а скорее образованная буржуазия (или «новый средний класс», выражаясь более эмпирическим языком), претендующая, без большого успеха, на мобилизацию этого плебса. Таким образом, перед нами не столько альянс многих социальных групп, сколько парадоксальная инверсия их ролей. И это совсем не значит, что мы имеем дело с обманом. Инверсия, о которой идет речь, имеет диалектический характер и означает важный критический момент в развитии современной демократии. Демократические контр-элиты, восставшие против анти-демократического большинства являются, потенциально, сегодняшним «народом».

Все это связано с трансформацией труда в постфордистской экономике: место наемного рабочего занимает творческий образованный интеллект, таким образом сочетая роли идеологической элиты и подчиненного исполнителя. Сегодня традиционный престиж интеллектуалов в публичной сфере приходит в упадок, и вторая роль постепенно вытесняет первую, несмотря на то, что интеллектуалы до сих пор склонны идентифицироваться с субъектами принятия решений, шаги которых они научились понимать и оценивать. Таким образом, под влиянием нео-либеральной политики идет процесс ослабления «среднего класса» и утраты им своих «полномочий» (*disem-*

¹⁷ Бертран Бади (Badie 1997: 227) отмечает, что популизм по природе аполитичен или деполитизирован. Я бы усложнил формулировку и указал, что он *аполитично политизирован*. Отсюда его нестабильная и амбивалентная функция в политике, которая была верно подмечена Франческо Паницца: «В ядре популистских нарративов находится отношения популизма к политическому. Популизм одновременно деполитизирует и гиперполитизирует общественные отношения» (Panizza 2005: 20). Это означает, по Паницца, что, когда нормальная политика теряет свою легитимность, призывы к экстраполитическим или надполитическим целям могут стать сильным мобилизующим фактором, ядром харизмы популистского лидера.

powerment). Гаятри Спивак даже утверждает, что он проходит через процесс «подчинения» (*subalternization*) в смысле Грамши (Spivak 2011), однако, возможно, она слишком поспешно доверяет представлениям протестующих о самих себе: парадоксального в их протесте может быть даже больше, чем была бы готова признать Спивак.

Бывшие элиты или полуэлиты (интеллигенция) выступают в роли, которая раньше относилась к «простецам». Это парадокс, который пока не имеет разрешения, но может привести к реконструкции всего политического универсума, который ранее основывался, огрубляя, на борьбе левых «бедняков» с «имущими» правыми.

«Популистские» технологии массовой манипуляции остаются отличительной чертой таких движений, однако сегодня можно сказать, что они применяются протестующими субъектами по отношению к самим себе. Не лидер манипулирует массами, а протестующая масса чрезвычайно рефлексивна, постоянно себя объективирует и стремится к формированию союзов, расширяя свои лозунги. И это — позитивная черта сегодняшнего популизма: он допускает открытость и выстраивание гегемонии на основе гетерогенного недовольства, если («если!») есть достаточно упрямства и политической воли.

Некоторые из наших информантов комментируют гетерогенную природу движения, и, принимая рефлексивную позицию (или «мета-позицию»), начинают обсуждать возможные изменения идеологии:

В: А [какие требования] должны быть?

О: Не знаю. Если бы знал — баллотировался бы (смеется). Не, ну мне тяжело сказать, какая идея должна быть, потому что силы настолько разнонаправлены и разнополярны, что мне, например, в голову ничего не приходит.

<...>

В: А как Вы считаете, могут ли требования этого движения включить в себя какие-то социальные требования?

О: Да, разумеется. Нет, разумеется. Ну, потому что протест, который за демократизацию и либерализацию — это такая, столичная история. Ну вот мы отъезжаем куда-нибудь, вот на Урал, например — да им все равно на эту демократизацию, у них у протеста совсем другие требования. Поэтому нужно как-то, мне кажется, эту базу расширить. Нужно социальные требования, разумеется, включать. Мне даже кажется, что они должны на первый план выйти (муж., 35 лет, фотограф и учитель английского языка, 20–21.10.12, Санкт-Петербург).

В.: А как вы думаете, это движение за честные выборы может включить в себя социальные требования какие-то или политические?

О: Теперь да уже, теперь да. Другое дело, что никто эти требования выполнять не собирается. Но мне кажется, что если социальные требования, то это больше привлечет сторонников... (муж., врач, 69 лет, 26.02.12, Москва).

Подобные комментарии весьма распространены: 20 информантов согласны с выдвижением социальных требований, 15 отказываются от этой идеи, как правило, используя либеральный аргумент о том, что политические свободы помогут разрешить социальные проблемы, все остальные избегают вопроса.

Некоторые информанты даже вступают в эксплицитное обсуждение *популизма* (инф. 1, жен., 45 лет, бывшая учительница, домохозяйка; инф. 2, муж., 45 лет, фотограф, б/высшего образования, 5.03.12, Москва).

В: А как Вам кажется, движение за честные выборы, оно может включить какие-то социальные требования?

О1: Может, наверное. А какие Вы имеете в виду социальные требования?

В: Ну, например, что-то связанное с бесплатным медициной, образованием, что-то связанное с коррупцией.

О1: Может, конечно.

О2: Но это будет звучать популизмом все равно, понимаете? Нужно решать радикальные проблемы.

Как мы видим, участники протестов *рефлексивны* и готовы себя объективировать. Это приводит их, с одной стороны, к трезвому восприятию ограниченности их движения, но, с другой стороны, заставляет искать, иногда даже в циничных макиавеллистских формах, пути преодоления этих ограничений. Однако классическая либеральная идеология, отдающая предпочтение легальным формам протеста и конституционной фикции как его языку (где предполагается, что народ уже является полновластным сувереном), делает «популизм» ругательным словом и мешает тем самым расширению социального потенциала движения.

Вернемся теперь к определению популизма. По существу, мы можем вывести три его основных элемента:

- эклектичная идеология и социальная база;
- антагонизм масс и элит;
- использование слова «народ».

Третий элемент показывает, что мы имеем дело не просто с структурной социально-политической констелляцией, но с конкретным историческим феноменом. «Народ» не случайно является «точкой пристежки» гетерогенного движения популистского толка. Народ — это господствующее означающее современной политической

культуры, и новоевропейской политической идеологии вообще. Со времен Римской республики и, в особенности, в Новое время, различные формы правления обращались к «народу» как высшей инстанции власти. Но в последние 200 лет эти слова приобрели буквальный смысл, и возникли попытки институционализировать власть этого «народа» через введение всеобщего избирательного права. В крупных капиталистических государствах была создана либеральная «демократия». Поскольку демократизация достигалась отчасти с помощью периодических революций, то «народ» понимался двусмысленно: как целое население, и как мятежные угнетенные массы (Magun 2012). И так как институционализация либеральной представительной демократии предполагает, что тотальность народа присутствует лишь в момент тайного индивидуального и свободного голосования, то всегда остается место для того, чтобы заявить, что демократия в опасности, и что место суверенного народа узурпировано элитами. Популизм тогда обнажает и использует тот факт, что природа политической репрезентации — лишь конвенция. При этом популизм претендует на поиск *истинного* народа, этой мистической силы, которую никто не может реально увидеть, и в то же время играет на том, что эта сила не может ни присутствовать где-либо физически, ни рационально описываться через социальные категории. «Народ» является пустым означающим антагонистической политики. Причем это имя не «пустого места власти», как считал Клод Лефор (Lefort 1988: 86), а отсутствующего Бога, или скорее демона (поскольку он восстает из темного «низа» общества) политики Нового времени: фокус его политической теологии.

Но в эмпирической реальности — и это правильно показывает Лефор — мы имеем не «народ» в целом, а отдельного индивида, или группу, которая говорит, не совсем легитимно, от имени тотальности и от имени угнетенных, и пытается представить свое дело как универсально обоснованное и значимое, игнорируя при этом существующие социально-политические разрывы. Такая претензия на гегемонию всегда отчасти нелегитимна: «весь» «народ», даже вычесть из него элиты, едва ли может где-то присутствовать или даже быть представленным как единое целое. Это приводит, с одной стороны, к нелегитимности любого отдельного правящего лица в демократическом режиме (Лефор), но с другой стороны к относительной *легитимности* учредительной власти (Сийес): во время революции, кто бы ни действовал против старого порядка от лица народа, делает это просто по факту занятия властных институций, а признание и голоование приходит позже.

Сложная ситуация городского образованного класса, который формирует ядро текущих протестов, в России, так же как и в Европе и США, состоит в том, что он привык отличать себя от большинства населения, и это большинство населения действительно голосует за

статус-кво. Но другая часть этого класса, следуя примеру современной западной интеллигенции, делает популистскую ставку («нас 99 %»), стараясь отделаться от существующего социального разрыва (апеллируя к «очевидным» истинам и демонизируя правящий режим) и заключить союз с необразованной «толпой», которую они надеются убедить своей упрощенной риторикой (хорошим примером этому в России является Навальный).

Популизм для России — не новое западное веяние. Именно здесь в XIX веке народничество возникло как понятие, еще до того, как слово было переведено на английский и французский и приобрело негативный оттенок. Причем негативное словоупотребление само связано с полемикой против народников, которую развернули марксисты-большевики в России в начале XX века. Первое народничество сильно отличалось от нынешнего глобального тренда, однако и оно было идеологией интеллигенции. Русские народники в своих разнообразных направлениях стремились к тому, чтобы на политическую сцену вышел «народ», но понимали этот «народ» в ориенталистском духе, как темную и неизвестную стихию (см.: Эткинд 1998). Сейчас, напротив, интеллектуалы сами видят себя угнетенным народом (об их «подчинении» см. выше (Spivak 2011)).

Во время Перестройки 1980-х годов либерально-демократические интеллектуалы успешно мобилизовали широкие массы в свою поддержку, вступив в союз с популистским партийным лидером Ельциным. Однако, как утверждает Борис Кагарлицкий, уже с середины 1970-х годов они покинули свою традиционно демократическую позицию в пользу вестернизирующего либерализма, и [их идеология] «перестала быть народнической», так что популизм 1980-х был краткосрочным тактическим альянсом (Кагарлицкий 2008).

Поэтому в 1990-е годы образованный класс обнаружил себя в меньшинстве и продолжил поддерживать режим Ельцина, несмотря на обнищание и деморализацию значительной части населения; это заставило многих комментаторов утверждать, что они предали народное дело ради группового эгоизма. Вплоть до настоящего момента либеральные партии поддерживаются 5–7 % населения, и существует растущий разрыв между вестернизированными ценностями образованного городского класса и консервативным национализмом, господствующим среди относительного большинства. В этом контексте отождествление городских профессионалов с народом — рискованная игра. Однако, в некотором смысле, это перевернутое возвращение русского популизма XIX века. Вновь этот таинственный «огромный» «народ», в котором видят сознательного субъекта протеста, но теперь уже сами интеллектуалы рассматривают себя как его органическую и наиболее угнетенную часть. И они в чем-то правы, поскольку, как свойственно «народу», они, похоже, мало понимают, что происходит, и ради чего они бунтуют. Риторика

и эклектика популизма связаны не только с манипулятивностью, но и с непониманием субъектами причин и природы своей мобилизации (которые могут выясниться позднее, в исторической перспективе). Можно рискнуть и предположить, в психоаналитических терминах, что это бессознательный, демонически-демократический народ *внутри них* вызывает их восстать.

6. Заключение

В данной статье я проанализировал результаты нашего качественного эмпирического исследования, ставя своей целью проследить процесс формирования новой политической субъективности в ходе протестов, которые внезапно политизировали до того аполитичные (в России) городские множества людей. Конституционная рамка либеральной демократии, особая ситуация, в которой политизация была направлена на глубоко аполитичное общество, а также текущий глобальный анти-авторитарный тренд вместе создали движение, сочетающее черты вестернизирующей либеральной политики среднего класса с *популизмом*. Популизм пока не артикулирован и полностью не осознан: он представляет скорее зону ближайшего развития, нежели завершённую идеологию или сложившийся тип субъективности. Как таковой, он является не только многообещающим, но и теоретически интересным феноменом, поскольку основывается на разрыве между объективно привилегированным статусом участников движения, их положением меньшинства, и их самосознанием как простого «народа», несправедливо оклеветанного властью и третируемого ею как «быдло».

Тот факт, что в современной демократии самопровозглашенный народ оспаривает власть в социальных движениях, вытекает не просто из суверенитета этого народа, но также из того, что в последние десятилетия демократический элемент политики все более сдвигается в сторону гражданского общества. Более того, это не просто «гражданское общество», прочно разделенное на классы или институционализированное в НКО, но все в большей степени гражданское общество спорадических социальных движений (Etzioni 2008). Если мы ищем демократию не в государстве, а в низовой активности масс и в конфликтном гражданском обществе, то неудивительно, что коллективным субъектом оказывается аморфный и неопределенный «народ», а не четко определенная и единая идеологическая партия. Изначально понятие гражданского общества как противоположности государства понималось Гегелем как аморфная масса абстрактных и жалких индивидов, которые противопоставлялись организованному государству (Гегель 2009), а марксистская традиция обернула это представление против государства, указав на то, что

фрагментированный характер гражданского общества сводит на нет символическую интеграцию, осуществляемую государством (Маркс 2010). Но идея гражданского общества как распадающегося государства, тем не менее, присутствует и у Гегеля, и у Маркса. Сегодня, когда гражданское общество в смысле Маркса, и особенно Грамши, как главное место политической борьбы, где коллективность противопоставляется частным и узкоклассовым интересам, стало рассматриваться как носитель подлинной демократии, этот латентный смысл гражданского общества как места распада возвращается, и «новые новые» социальные движения бросают вызов государству с точки зрения неопределенного единства распыленной публики, как призыв к объединению распадающегося общества.

Задача мысли и практики, таким образом, состоит в поиске новых специфических форм объединения обширных и многообразных множеств людей (иных, чем государство). Современная философия неоднократно и плодотворно поднимала этот вопрос. Одно из полезных понятий — это уже упоминавшееся понятие несводимых «множеств» у Вирно и Негри: множества как способ собирания многообразных, прекарных и непокорных индивидов таким образом, что их множественность сохраняется, и в результате не возникает никакого единого «государства». Другой подход представлен понятием «родового» единства пост-революционных субъектов Алена Бадью: на языке математической теории множеств он доказывает возможность искусственного конструирования («форсирования») в данной ситуации «родового множества» таким образом, что получающееся образование *избегает* любой частной характеристики или дефиниции, доступных в рамках исходной ситуации (Badiou 2005). Понятие гегемонного и антагонистического «народа» Лаклау является более слабой, но также релевантной версией такого объединения, которое сохраняет в себе свободу и многообразие. Все это — теоретические понятия, но они пересекаются с самопониманием действующих масс и полезны при попытке представить пути выхода из текущего кризиса демократии, зажатой между полюсами государства и гражданского общества.

Перевод с английского Георгия Копылова и Дмитрия Жихаревича

Библиография

- Белл, Даниэл (1999). *Грядущее постиндустриальное общество*. М.: Академия.
- Белановский, Сергей, Михаил Дмитриев, Светлана Мисихина, Татьяна Омельчук (2011). «Движущие силы и перспективы политической трансформации в России». *Центр стратегических разработок*. <http://new.csr.ru/index.php/ru/published-works/our-media/228-2011-03-28-16-38-10>.
- Вирно, Паоло (2013). *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*. М: Ад Маргинем.

- Волков, Денис (2012). «Протестное движение в России в 2011–2012 гг.: Истоки, Динамика, Результаты». *Аналитический центр Юрия Левады*. http://www.levada.ru/sites/default/files/movementreport_0.pdf.
- Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (2009). *Философия права*. М.: Мир книги; Литература.
- Ерпылева, Светлана, Артемий Магун, ред. (2014). *Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–13 гг.* М.: Новое литературное обозрение (в печати).
- Иванов, Максим (2013). «Владимиру Путину доверяют, но восхищаются им меньше». *Коммерсант*. <http://www.kommersant.ru/doc/2305992>.
- Кагарлицкий, Борис (2008). «Отрицание отрицания. О колебаниях генеральной линии». *Сайт Бориса Кагарлицкого*. <http://www.kagarlitsky.ru/publikacii/otricanie-otricaniya-o-kolebaniyah-generalnoy-linii>.
- Кант, Иммануил (2006). *Критика способности суждения*. СПб.: Наука.
- Клеман, Карин, Ольга Мирясова, Андрей Демидов (2010). *От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России*. М.: Три квадрата.
- Левинсон, Алексей (2012). «Это не средний класс, это все». *Ведомости*. http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1509376/eto_ne_srednij_klass_eto_vse#ixzz2fNoRdMGr.
- Маркс, Карл (2010). «К еврейскому вопросу» (1843). В кн.: Карл Маркс, *Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы*. М.: Академический проект.
- Матвеев, Илья (2014). «“Две России”: культурная война и конструирование “народа” в ходе протестов 2011–2013 годов». В кн.: *Политика аполитичных. Гражданские движения в России 2011–13 гг.*, ред. Ерпылева Светлана, Артемий Магун. М.: Новое литературное обозрение.
- Негри, Антонио, Майкл Хардт (2006). *Множество: Война и демократия в эпоху империи*. М.: Культурная революция.
- Рансьер, Жак (2013). *Несогласие: Политика и философия*. СПб.: Machina.
- Рогов, Кирилл (2013). «Сверхбольшинство для сверхпрезидентства.» *Pro et Contra* 3–4: 102–125.
- Эткинд, Александр (1998). *Хлыст (Секты, литература и революция)*. М.: Новое литературное обозрение.
- Ackerman, Bruce (1994). *The Future of Liberal Revolution*. New Haven: Yale University Press.
- Badie, Bertrand (1997). “Une faillite du politique.” *Vingtième siècle* 56 : 226–228.
- Badiou, Alain (2005). *Being and Event*. Trans. Oliver Feltham. New York: Continuum.
- Beck, Ulrich, Anthony Giddens, and Scott Lash (1994). *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Cambridge: Polity Press.
- Beissinger, Marc, Amaney Jamal, and Kevin Mazur (2013a). “The Anatomy of Protest in Egypt and Tunisia.” *Foreign Policy*, April 15.
- Beissinger, Marc, Amaney Jamal, and Kevin Mazur (2013b). “Who Participated in the Arab Spring? A Comparison of Egyptian and Tunisian Revolutions.” <http://www.princeton.edu/~mbeissin/beissinger.tunisiaegyptcoalitions.pdf>.

- Bikbov, Alexander (2012). "The Methodology of Studying 'Spontaneous' Street Activism (Russian Protests and Street Camps, December 2011–July 2012)." *Laboratorium* 4.2 : 275–284. <http://soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/41/91>.
- Brown, Wendy (2011). "Occupy Wall Street: Return of a Repressed *Res-Publica*." *Theory & Event* 14.4, Supplement.
- Buechler, Steven M. (1995). "New Social Movement Theories." *Sociological Quarterly* 36.3 (Summer): 441–464.
- Canovan, Margaret (2005). *The People*. Cambridge: Polity Press.
- Canovan, Margaret (1981). *Populism*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Canovan, Margaret (1999). "Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy." *Political Studies* 47: 2–16.
- Castells, Manuel (1983). *The City and the Grassroots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements*. London: Edward Arnold.
- Dalton, Russell J., Manfred Kuechler, and Wilhelm Burklin (1990). "The Challenge of the New Movements." In *Challenging the Political Order: New Social and Political Movements in Western Democracies*, ed. Russell J. Dalton and Manfred Kuechler, 3–20. New York: Oxford University Press.
- Della Porta, Donatela and Mario Diani (2006). *Social Movements: An Introduction*. Oxford & Malden, Mass.: Blackwell.
- Eder, Klaus (1993). *The New Politics of Class: Social Movements and Cultural Dynamics in Advanced Societies*. London: Sage.
- Etzioni, Amitai (1970). *Demonstration Democracy*. New York: Gordon and Breach.
- Gabowitsch, Mischa (2013). *Putin kaputt!?! Russlands neue Protestkultur*. Berlin: Suhrkamp.
- Goldfarb, Jeffrey (2012). "'The Politics of Small Things' Meets 'Monstration': On Fox News, Occupy Wall Street and Beyond." *Divinatio* 35: 63–79.
- Gouldner, Alvin (1979). *The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class*. New York: Continuum.
- Gusfield, George, ed. (1995). *Protest, Reform, Revolt*. New York & London: Wiley.
- Honneth, Axel (1996). *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge: Polity Press.
- Huntington, Samuel (1991). *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, Okla.: University of Oklahoma Press.
- Javeline, Debra (2003). *Protest and the Politics of Blame: The Russian Response to Unpaid Wages*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Kirchheimer, Otto (1966). "The Transformation of Western European Party Systems." In *Political Parties and Political Development*, ed. Joseph La Palombara and Myron Weiner, 177–199. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Kriesi, Hanspeter (1989). "New Social Movements and the New Class in the Netherlands." *American Journal of Sociology* 94.5: 1078–1116.
- Laclau, Ernesto and Mouffe Chantal (2001). *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London & New York: Verso. Second edition.
- Laclau, Ernesto (2005). *On Populist Reason*. London & New York: Verso.
- Lefort, Claude (1988). *Democracy and Political Theory*. Trans. David Macey. Cambridge: Polity Press.

- Magun, Artemy (2013). "Taking Democracy Seriously." In *Decentring the West: The Idea of Democracy and the Struggle for Hegemony*, ed. Viatcheslav Morozov, 23–45. Farnham: Ashgate.
- Mellucci, Alberto (1996). *Challenging Codes: Collective Action in the Information Age*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Minogue, Kenneth (1969). "Populism as a Political Movement." In *Populism: Its Meaning and National Characteristics*, ed. Ghita Ionescu and Ernest Gellner, 197–211. London: Macmillan.
- Mouffe, Chantal (2011). "Constructing Unity Across the Difference: The Fault Lines of the 99 %." *Tidal* 1 (2011): 5.
- Mouffe, Chantal (2005). *On the Political*. New York & London: Routledge.
- Müller, Jan-Werner (2011). "Getting a Grip on Populism." *Dissent*, September 23. <http://www.dissentmagazine.org/blog/getting-a-grip-on-populism>.
- Panizza, Francesco, ed. (2005). *Populism and the Mirror of Democracy*. New York & London: Verso.
- Robertson, Graeme (2011). *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-Communist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Robertson, Graeme (2012). "Russian Protesters: Not Optimistic but Here to Stay." *Russian Analytical Digest* 115 (June 20): 2–8.
- Rosanvallon, Pierre (2008). *Counter-Democracy: Politics in the Age of Distrust*. Trans. Arthur Goldhammer. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schedler, Andreas, ed. (2006). *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. Boulder, Colo., and London: Lynne Rienner Publishers.
- Spivak, Chakraworti Gayatri (2011). "The General Strike." *Tidal* 1: 8–9.
- Taguieff, Pierre-André (2002). *L'illusion populiste*. Paris: Berg International.
- Taguieff, Pierre-André (1997). "Le populisme et la science politique. Du mirage conceptuel aux vrais problèmes." *Vingtième siècle* 56: 4–33.
- Tarrow, Sidney (1998). *Power in Movement: Social Movements, Collective Action and Politics* [1994]. New York & Cambridge: Cambridge University Press.
- Taylor, Charles (1994). "The Politics of Recognition." *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*, ed. Amy Guttmann, 25–73. Princeton: Princeton University Press.
- Touraine, Alain (1985). "An Introduction to the Study of Social Movements." *Social Research* 52.4: 749–788.
- Touraine, Alain (1977). *The Self-Production of Society*. Trans. Derek Coltman. Chicago: University of Chicago Press.
- Virno, Paolo (2005). "Theses on the New European Fascism." Trans. Alessia Ricciardi. *Grey Room* 21 (Fall): 21–25.
- Volkov, Denis (2012a). "The Protesters and the Public." *Journal of Democracy* 23.3 (July): 55–62.